

— Миньюэ, скажи, что мне сделать, чтобы третий принц окончательно разочаровался во мне?

— Барышня! О чем вы говорите? Неужели вы забыли, как нелегко вам достались эти отношения с третьим принцем?

— Я знаю, вы все считаете, что я не должна отказываться от наших чувств. Но он никогда не будет принадлежать мне. Увы, сейчас я могу говорить об этом только с тобой.

Чэнь Таотао взглянула на ошарашенную Миньюэ и с досадой вздохнула.

— Барышня, если вы не хотите выходить замуж за третьего принца, то за кого же тогда? Третий принц мягок нравом и честен, это ваш лучший выбор. К тому же, судя по всему, в скором времени он станет наследным принцем, так что желанный титул супруги наследника у вас буквально в руках!

— Ты помнишь, что я говорила сегодня днем Хаохао и Цинцян? Знамение падения государства — это лишь начало...

Не успела Чэнь Таотао закончить, как Миньюэ поспешно подбежала и закрыла ей рот рукой.

— Барышня, придержите язык! Если кто-то услышит — это карается истреблением девяти поколений!

— Хорошо, хорошо, я молчу. Но я хочу, чтобы ты поняла: если этот день действительно настанет, как мы, с нашим положением, сможем выстоять? Что толку тогда будет от титула императрицы? Чем выше трон, тем больше с него падать.

Миньюэ, глядя на серьезное выражение лица Чэнь Таотао, невольно занервничала. Хотя она совершенно не могла понять, почему у госпожи возникли такие мысли, она все же решила помочь ей во всем, что та задумала.

— Барышня, скажите, что же нам теперь делать?

Чэнь Таотао задумалась. Она понимала, что Миньюэ права: сейчас ей нужно не только спасти свою жизнь, но и найти место, где можно будет укрыться в грядущие смутные времена.

— Мы можем покупать дома и землю!

Причем нельзя ограничиваться одним местом. Когда начнется война, придется бежать, так что нужно иметь пристанище в разных краях. А поскольку именно Юньчжоу собирается напасть на Тяньшэн, то сам Юньчжоу станет надежным тылом. Через три года, прежде чем войска Юньчжоу двинутся в поход, она заберет Миньюэ и сбежит туда — разве это не спасет их от

беды?

Мало того, по пути она будет скупать имущество, чтобы, если Хаохао и Цинцянь понадобятся помощь, она могла бы их поддержать.

Пока она предавалась мечтам о будущем, слова Минъюэ окатили её холодной водой:

— Но, барышня, у нас же нет денег.

— Это... ничего, деньги можно накопить! Впрочем, не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня. Давай-ка прямо сейчас подсчитаем наше состояние.

— А? Барышня, наш Двор Нинси всегда жил небогато, мы едва сводим концы с концами, выдавая всем ежемесячное жалование, не говоря уже о каких-то накоплениях.

— До чего же мы дошли... Тогда завтра же сходи в ломбард, посмотри, сколько можно выручить за те украшения, что когда-то дарила мне госпожа Ван. Все обменяй на серебро. Нужно сделать это как можно скорее, пока спустя пару лет не пришлось иметь дело с фальшивыми деньгами, которые наштампуют коррумпированные чиновники. Ах да, и мои парадные платья за последние годы — заberi их, когда нам понадобятся деньги, мы все продадим.

— Если вы продадите все украшения, что же вы будете носить в обычные дни?

— Это неважно! Ради нашего будущего я могу потерпеть.

Чэнь Таотао строила планы, одновременно искренне переживая о грядущих испытаниях. Сейчас она едва разобралась с этим Чан Анем, а остальные дела по-прежнему были в полном беспорядке.

Подождите! Она ничего не забыла?

— Минъюэ, я ведь только что велела Чан Аню идти во внутренний двор и встать на колени?

— Да! Я видела, как он направился туда, должно быть, уже стоит.

— Почему ты не напомнила мне раньше! Беда, беда, всё пропало, я целый месяц зря старалась!

— Барышня, помедленнее, верхняя одежда! Ой, подождите меня...

Снова наступила темная, ветреная ночь, но в ней уже не было ни салютов, прорезающих небо,

ни нежных слов. Вернувшись, Чан Ань послушно встал на колени у дверей своей комнаты.

Он не понимал, почему сегодня Чэнь Таотао стала словно другим человеком. Тот привычный тон вдруг сделался таким холодным, в одно мгновение вернув его из рая обратно в ад. Он думал: неужели этот час настал? Она больше не может притворяться и хочет снова низвергнуть его в пучину страданий.

Она действительно преуспела! Сначала подарила надежду, а потом вернула всё на круги своя, оставив его в полной растерянности. Получить и потерять — это гораздо страшнее, чем никогда не иметь вовсе.

Только почему, почему она так с ним поступает? Он ведь просто хотел жить, как нормальный человек!

— Чан Ань!

Она пришла! Чан Ань приготовился принять её безжалостный приговор. Он решил, что, что бы ни случилось, он не покажет ни капли печали — он не хотел видеть, как она насмехается над ним, когда её план удастся.

Чэнь Таотао увидела его: одетый в тонкое, он стоял на коленях, прямой, как струна, дрожа от пронизывающего ледяного ветра, но упрямо не желая опускать голову. Она поспешила к нему, на ходу приняв у Миньюэ верхнюю одежду, которую не успела надеть, и накинула её на него, плотно укутывая его замерзшее тело.

Чан Ань явно был ошеломлен такой внезапной переменой, не понимая, что она задумала. И тут услышал:

— Ну как же ты глуп! Сказали стоять — ты и стоишь, уже небось целый час на коленях! Быстрее в дом, греться!

Чан Ань смотрел на неё в замешательстве, не двигаясь с места. Не знал, вставать или нет.

— Не смотри на меня, вставай. Миньюэ, помоги ему!

От долгого стояния на ледяном снегу ноги Чан Аня онемели. С помощью Чэнь Таотао и Миньюэ он с трудом добрался до кровати. Едва он сел, как услышал её предупреждающий голос:

— Запомни: всё, что я говорю тебе при других, ты не должен принимать на свой счет. Понял?

Чан Ань взглянул на стоявшую рядом Миньюэ.

— Она не чужая, она — свои. Кстати, Минъюэ, принеси еще углей, в этой комнате недостаточно жарко. И принеси ему грелку для рук. Посмотри, руки совсем заоченели.

— Слушаюсь, барышня.

Чэнь Таотао укрыла его одеялом, а Чан Ань машинально снял светло-фиолетовую одежду, которую она на него накинула, и вернул ей.

— Забери свою одежду. Мне она не подходит.

— А, хорошо. — Чэнь Таотао, глядя на его холодное выражение лица, осторожно спросила:

— Ты все еще злишься?

— Нет, я просто думаю, почему вы так со мной обращаетесь.

Чэнь Таотао замерла. Оказывается, вот о чем он.

— Послушай, я объясню. Всё, что я говорила при других, — не моя воля. Я правда не хочу тебя обижать.

— Я не об этом. Я о том, почему уже больше месяца вы ведете себя со мной не так, как раньше. Неужели и то, что было прежде, тоже было не по вашей воле?

— Раньше... раньше всё было по доброй воле, — Чэнь Таотао не хотела ему лгать. — Но поверь, люди меняются.

— Тогда дайте мне причину, почему вы внезапно изменили свое отношение ко мне.

Чан Ань наступал, было видно, что он решил докопаться до истины. Чэнь Таотао поняла, что выкрутиться не удастся, и ответила:

— Чан Ань, ты помнишь, кем был раньше?

Чэнь Таотао видела, как при упоминании о его происхождении в глазах парня вспыхнул огонек, и продолжила:

— На самом деле я тоже не знаю. Но посмотри на эту нефритовую подвеску. Это явно не обычная вещь: материал высшего качества, работа известного мастера из Юньчжоу.

Услышав, что она не знает, Чан Ань поник, блеск в его глазах заметно потускнел.

— Не падай духом. Может, эта подвеска — ключ к поиску твоей семьи. Судя по ней, ты наверняка был знатным человеком из Юньчжоу. Когда вернешься домой, не забудь ту, кто заботился о тебе всё это время.

— Вы хотите сказать, что ваше отношение ко мне изменилось только из-за этой подвески?

<http://bllate.org/book/18614/1792175>